Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси. «Наука», Л., 1976, 204 стр. (Академия наук СССР. Серия «Из истории мировой культуры»)

Книга акад. Д. С. Лихачева и д-ра филол. наук А. М. Панченко — первое в нашей науке обобщающее исследование, посвященное проблеме смеха, выяснению особого характера и специфических функций его в условиях общественной жизни Руси XI—XVII вв., места и значения гротеска и юмора в древнерусской культуре и литературе. Рассматривая смех как сложное социально-психологическое и культурно-историческое образование, оба автора книги на огромном и разнообразном историческом материале, никогда до сих пор не сводившемся воедино и не анализировавшемся с единой теоретической точки зрения, стремятся обосновать большое научное значение выдвигаемой ими проблемы для решения коренных, фундаментальных вопросов истории русской культуры — древней и новой. Свое исследование они рассматривают как один из подступов к замысленной ими «Истории смеха в России» — эволюция смеха характеризуется ими как «история одной из важнейших частей человеческой культуры» (с. 194).

Книга состоит их двух частей: «Смех как „мировоззрение“ (автор Д. С. Лихачев) и «Смех как зрелище» (автор А. М. Панченко). Первая половина книги содержит общую характеристику «смехового мира» Древней Руси, анализ лицедейства Ивана Грозного, природы различных форм древнерусской «низовой» демократической сатиры, комических и гротескных мотивов в произведениях древней литературы и раешной поэзии, шутовских и юмористических элементов в реальном жизненном поведении и в сочинениях протопопа Аввакума. Во второй ее половине содержится глубокое, пристальное и оригинальное исследование древнерусского юродства, рассматриваемого как яркое по краскам и весьма важное по своему значению историко-культурное явление, без уяснения специфических черт которого не могут быть верно оценены и интепретированы многие другие так или иначе связанные с ним или заимствовавшие от него определенную окраску явления древнерусского быта и культуры. Теоретические выводы, к которым приходят авторы книги, получают яркое, выразительное подтверждение в недавно обнаруженном Н. В. Понырко и впервые публикуемом в приложении к книге интереснейшем литературном памятнике — письмах к «матери своей Евдокии» и жене Акилине юродивого XVII в., галицкого посадского человека Степана Трофимовича Нечаева, оставленных по уходу из дому им «на утешение» (с. 183—191).

В своем понимании общего характера средневекового смеха, его направленности также «и против самого смеющегося» авторы книги, по собственным словам, во многом опираются на выводы известной монографии М. М. Бахтина «Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (с. 9). Однако внимательному читателю книги Лихачева и Панченко, знакомому также с названной и другими работами Бахтина, не может не броситься в глаза и одно принципиальное, существенное отличие их трактовки средневекового смеха от трактовки Бахтина: Бахтин резко разграничивает и противопоставляет друг другу «народно-праздничную» («карнавальную», по его терминологии) и сатирическую стихии в смеховой культуре средних веков и Возрождения, связывая с первой демократическую, а со второй — учено-гуманистическую и церковно-назидательную традиции. Вследствие этого — в противовес почти всем своим предшественникам — Бахтин отвергал жанровую характеристику романа Рабле как сатиры. Народная, гротескно-комическая, низовая стихия средневекового смеха, согласно Бахтину, рождается из ощущения радостного переизбытка стихийных жизненных сил — отсюда ее насыщенность яркими, конкретно осязаемыми, нередко фривольными, «тварными», телесно-плотскими образами, отсюда ее амбивалентность и пренебрежение к официальным, общепринятым понятиям и нормам, утвержденным господствующей церковью и государством. «Осмеивающий» же сатирический смех уже в античности, в средние века и в эпоху Возрождения, хотя и восходит генетически к народному смеху, представляет собой, по Бахтину, тем не менее качественно иное, стадиально более позднее культурное явление: на смену первозданной свежести, свободе и чувственной откровенности народного смеха в нем выражается определенная степень оглядки на господствующие и официально признанные нормы и ценности, а следовательно, и дидактизм, чуждый «полифонической», «карнавальной» смеховой стихии. Изучение древнерусского смеха, исследование юродства как культурно-исторического явления, проведенные Д. С. Лихачевым и А. М. Панченко, заставляют их отказаться от того излишне резкого разграничения стихий «народно-праздничного», карнавального и «осмеивающего», исполненного серьезности и негодования сатирического смеха, на котором настаивал Бахтин. Как показывают оба исследователя, в истории древнерусской культуры на различных ее этапах оба эти вида смеха часто переходят друг в друга, так как границы между ними здесь размыты.

В первой части книги особенно привлекают внимание блестящая характеристика сознательного «лицедейства» Ивана Грозного, которая позволяет Д. С. Лихачеву с новой стороны подойти к пони-